

**Независимый
литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал**

**Основан
в марте 1939 года**

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, дом 13 стр. 2,
журнал «Дружба народов».
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12.

**E-mail: dn52@mail.ru,
http://magazines.russ.ru/
druzhba/
LIVEJORNAL: http://drujba-
narodov.livejournal.com/**

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.
Отпечатано в типографии ОАО
«Можайский полиграфический
комбинат», 143200, Московская
область,
г. Можайск, ул. Мира, 93;
тел.: (496)20-685; (495)745-84-28;
факс: (49638)21-682;
www.oaompk.ru, e-mail:
oaompk@oaompk.ru

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 21.10.2013.
Подписано в печать 22.11.2013.
Формат бумаги 70 x 108 1/16
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 2000 экз.
Заказ 4595. Цена свободная.

Дружба народов

12'2013

Редакционная коллегия

Главный редактор

Александр
ЭБАНОИДЗЕ

Лев
АННИНСКИЙ

Леонид
БАХНОВ

Ирина
ДОРОНИНА

Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА

Владимир
МЕДВЕДЕВ

Зам. главного редактора

Фарит
НАГИМОВ

Ответственный секретарь

Сергей
НАДЕЕВ

Редакционный совет

Рамазан
АБДУЛАТИПОВ

Сухбат
АФЛАТУНИ

Муса
АХМАДОВ

Резо
ГАБРИАДЗЕ

Алла
ГЕРБЕР

Денис
ГУЦКО

Иван
ДЗЮБА

Александр
КЛЯЧИН

Валентин
КУРБАТОВ

Ольга
ЛЕБЕДУШКИНА

Захар
ПРИЛЕПИН

Кнут
СКУЕНИЕКС

Сергей
ФИЛАТОВ

Ренат
ХАРИС

Левон
ХЕЧОЯН

Вячеслав
ШАПОВАЛОВ

ЭЛЬЧИН

Леонид
ЮЗЕФОВИЧ

СОДЕРЖАНИЕ

Проза и поэзия

Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ. Пощады не прошу. Из стихов 2013 года	3
Елена ДОЛГОПЯТ. Две повести	5
Мухаммат МИРЗА. «Покайся, человек, перед творцом...». Стихи. С татарского. Перевод Николая Переяслова	47
Вячеслав ПЬЕЦУХ. Рассказы	50
Роман СЕНЧИН. В чужую землю. Из книги «Зона затопления»	66

ПРОБА ПЕРА

Начало — имеет место. Елена ЗАХАРОВА; Наталья МАМЛИНА; Дмитрий ЛАРИОНОВ; Антон ВАСЕЦКИЙ; Ольга АНИКИНА; Матвей РАЗДЕЛЬНЫЙ; Вениамин КРАВЦОВ; Андрей РЕЗЦОВ. Стихи из «самотёка»	88
---	-----------

Григорий АРОСЕВ. Мёртвое время. Повесть	95
Евгений ШКЛОВСКИЙ. Дорога к дому. Рассказы	121

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Ренат БЕККИН. Равиль Бухараев, каким я его знал	138
Равиль БУХАРАЕВ. Красный лотос, или Прекращение желаний. Рассказ	143

Свидетельство времени

Сергей ФИЛАТОВ. Один век — пять Конституций России	156
--	------------

Публицистика

Александр МЕЛИХОВ. Что нас не разочарует?	168
---	------------

Нация и мир

Эльвира ГОРЮХИНА. Учёные пришли в школу	173
---	------------

Пограничные литературы

Сергей МОРЕЙНО. Текст как место	191
---------------------------------------	------------

Подробное чтение

Лев АННИНСКИЙ. Запах камня	204
Ирина РОДНЯНСКАЯ. Трудно не быть собой	211

Культурная хроника

Галина ЗАЙНУЛЛИНА. КМФМК — «Родина» — электричество	224
Юрий ПОДПОРЕНКО. Талантливо видеть невидимое	235
К нашей вклейке: Молодые художники Прибалтики. Живопись Ирина КОВАЛЁВА. «Литературная Вена»	237

Эхо

Выдох и вдох московской поэзии. Рубрику ведет Лев АННИНСКИЙ	240
---	------------

Содержание журнала «Дружба народов» за 2013 год	248
---	------------

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА «РУССКИЙ МИР»,
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ФОНДА
ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ (МФГС)

Ренат Беккин

Равиль Бухараев, каким я его знал

— С Бухараевым лучше не связывайся — предупредил меня коллега. — Втянет тебя в свои сектантские игры, потом не отмоешься.

Но коллега опоздал со своими предостережениями. Я уже успел «связаться» с человеком, которого все мои друзья и знакомые из числа мусульман иначе как «сектантом» не называли.

Первый раз мы встретились с ним в ЦДЛ на Большой Никитской в марте 2007-го. Ели, помнится, уху. Затем переместились в одну из кофеен поблизости. Поседевший джентльмен с ухоженной бородой, с раскрасневшимся веснушчатым лицом, он подтверждал популярный тезис о том, что человек, долго живущий в какой-либо стране, вскоре начинает обликом своим походить на ее жителей. Я подумал о годах, проведенных Бухараевым в Англии, и поделился с ним своим наблюдением.

— Вы знаете, у меня есть целая теория, что татары в России — это как шотландцы в Англии, — с энтузиазмом подхватил он. — Немыслимо представить Великобританию без шотландцев. И Россию без татар попробуйте представить. Мы и по духу близки: гордые, независимые, решительные. Немного сумасшедшие.

— В самом деле, — охотно согласился я.

Мне как татарину льстило это сравнение. Я любил шотландцев.

— Не возражаете, если я закурю? — Бухараев достал свою знаменитую трубку.

— Конечно, нет.

— Никак не могу избавиться от этой вредной привычки, Ренат-эфенди.

Он был не первым, кто называл меня так, но в его устах вежливое, воскресшее из прошлого обращение «эфенди» звучало по-особенному, словно разговор наш происходил не в начале XXI века, а столетием раньше. И не в столице России, а где-нибудь на берегах Босфора. Я отвечал ему взаимностью, называя: Равиль-эфенди. В письмах же он обращался ко мне просто: Ренат или Ринат.

Поводом для нашей первой встречи послужил журнал «Четки», задуманный и начатый в том же 2007-м году. Я был главным редактором этого издания. Молодой, никому пока не известный журнал нуждался в авторитетных друзьях из

Беккин Ренат Ирикович — ученый-исламовед, писатель и общественный деятель, профессор Казанского федерального университета. Публикации в «ДН»: «Русские мусульмане: заблудшая секта или авангард российской уммы?» (№10, 2012).

среды русских писателей и поэтов, и наш спонсор настойчиво рекомендовал мне обратиться к Бухараеву. Я написал поэту письмо, и в один из его приездов в Москву мы встретились.

— Вы не представляете, какую замечательную вещь вы затеяли, — сказал Равиль-эфенди после того, как я подробно изложил ему идею журнала. — Я готов помогать чем могу.

— Напишите что-нибудь для журнала? — спросил я.

— Конечно. Что вас интересует?

— У нас проблема со стихами. Нет хороших стихов, которые бы отвечали и критериям художественности, и целям журнала.

— Проблема в том, что те из моих стихов, которые могли бы подойти, в основном уже опубликованы. Если вас это не смущает, Ренат-эфенди, то я сегодня же вечером пришлю их.

— Нет, не смущает. Я, по правде говоря, до сегодняшнего дня не читал ваших стихов. Наверное, я не один такой невежда. Вот мы и познакомим таких же, как я, с вашим творчеством.

— Хорошо. В следующий раз обязательно подарю вам свою книгу.

— Спасибо, буду очень рад.

Я с удовольствием отметил для себя: он несколько не удивился и не обиделся на то, что обратившийся к нему с просьбой о сотрудничестве человек не удосужился прочесть что-нибудь из его стихов хотя бы из вежливости.

С первого номера Бухараев стал постоянным и самым дисциплинированным автором «Четок». Он никогда не подводил нас, всегда предоставлял тексты в назначенные сроки.

На следующий год, когда стало ясно, что журнал будет жить, я стал всерьез думать над формированием редакционного совета «Четок». Были начаты осторожные переговоры с Чингизом Айтматовым, Риммой Казаковой. Согласие Бухараева было получено еще в середине прошлого года. Но в мае умерла Казакова, а в июне пришли вести о тяжелой болезни Айтматова.

Услышав о критическом состоянии Чингиза Торекуловича, я в тот же день написал Бухараеву письмо:

«Добрый день, Равиль-эфенди! Как Ваше самочувствие? Я уже боюсь поднимать вопрос о редсовете — что-то роковое в этом получается. Как только Вы согласились быть членом совета, легли на операцию в Лондоне. Вот теперь Чингиз Торекулович, которого мы тоже наметили, болеет. Римму Казакову тоже собирались...» (10.06.2008)

В тот же вечер стало известно, что Айтматов умер.

На следующий день от Бухараева пришел бодрый ответ:

«Насчет редколлегии, пожалуйста, не берите в голову. Никакой мистики здесь нет — все в порядке. Просто время приходит всему на свете» (11.06.2008).

Слова эти несколько успокоили меня, но ненадолго. Через месяц умер Анатолий Игнатьевич Приставкин, с которым у меня сложились добрые отношения и которого я тоже предполагал пригласить в редакционный совет. Я увидел в этом «последнее китайское предупреждение» Свыше и решил больше не искушать судьбу. Вопрос о редсовете «Четок» был закрыт. Раз и навсегда...

В вышедшем вскоре номере «Четок» была опубликована рецензия на последний роман Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)». Бухараев писал свой отклик на роман в 2006 году. Он не мог знать тогда, что это письмо станет последним в их переписке с Чингизом Торекуловичем. В своем письме-рецензии Бухараев обращается к Айтматову как к подлинному духовному лидеру

своей нации: «...В отличие от многих других писателей, которых смутило нынешнее безумие мира, Вы по-прежнему обеими ногами стоите на родной почве, но видите до края мира, и это потому, что видите не только разумом, но и сердцем, душой».

Когда Равиль Раисович умер, я не раз вспоминал эти его слова. У самого Бухараева, как ни у кого другого, были наилучшие шансы стать духовным лидером нации, своего рода татарским академиком Лихачевым.

Но духовным лидером татар Бухараев так и не стал. По вполне понятным причинам. Для того, чтобы претендовать на эту роль, требовалось одно из двух: либо быть светским интеллигентом с незапятнанной репутацией и мировым именем, как Айтматов, либо религиозным мыслителем, мусульманским подвижником. Бухараев же не был ни тем, ни другим.

Удачно сочетая в себе черты настоящего советского интеллигента эпохи упадка и западного интеллектуала высшей пробы, он не был при этом человеком светским, снисходительно признающим существование абстрактного Высшего Разума. Бухараев представлял собой тип глубоко верующего человека, мыслителя, вся проза которого после прихода к вере была пропитана исламскими мотивами. Но выступать религиозным лидером Бухараев также не мог, поскольку был приверженцем движения ахмадия, которое, по мнению подавляющего большинства мусульманских ученых, вышло за границы ислама. Человек, принадлежащий к данному движению и тем более активно пропагандирующий взгляды его лидеров, едва ли мог претендовать на сколько-нибудь значимую роль в умах и сердцах соплеменников даже в толерантном Татарстане.

Понимал ли это Бухараев? Думаю, да. Понимал, но не хотел изменять своим убеждениям. Он был искренен в том, о чем говорил и писал, в неизмеримо большей степени, чем некоторые из тех, кто, недолго думая, приклеивал к нему ярлык «сектант». Так было угодно Всевышнему, что именно представителей ахмадийского движения он повстречал на пути в непростой период своей жизни. В период исканий. Так получилось, что именно они помогли ему выкарабкаться из охватившего его кризиса, обрести себя вновь. И он верил, не мог не верить как самому себе людям, переменившим его судьбу.

В разговорах со мной он искренне удивлялся, почему другие не считают его мусульманином.

— Разве я так же, как они, не молюсь пять раз в день? Не плачу закят? Мы отличаемся от других мусульман только тем, что не верим во второе пришествие пророка Исы. Его не будет, потому что к человечеству явился обещанный мессия в лице Его святейшества Мирзы Гуляма.

— Видите ли, Равиль-эфенди, — отвечал я, тщательно подбирая слова. — Это принципиальный вопрос. Вы же западный человек и прекрасно понимаете, что обряды в наши дни — это личное дело каждого человека. А вот то, что ахмадиты фактически опровергают основной тезис ислама о Мухаммаде как печати пророков — штука серьезная. Что касается меня лично, то я считаю мусульманином любого человека, если он сам называет себя таковым.

Подобных разговоров с расставлением всех точек над «i» между нами больше не было. Но исламские вопросы всплывали в нашей переписке гораздо чаще, чем литературные сюжеты. В этом нет ничего удивительного, если обратить внимание на названия и содержание публикаций Бухараева за последние годы. Во многих из них тема ислама проходит красной нитью.

В 2008-м году он поведал мне, что работает над книгой «Ислам и наука в современной России». Он не раз обращался ко мне с различными вопросами,

связанными с исламом. В первую очередь, его волновали проблемы гуманизма в мусульманском мире в контексте провозглашенной Кораном справедливости Аллаха.

В одном из писем он писал:

«Насколько я понимаю, практическое толкование шариата настолько же основано на прецеденте, как римское право. Но, в свете справедливости Аллаха, применение закона требует точности его понимания. Например, наказание за прелюбодеяние — удары плетьюми. Встает вопрос — какими плетьюми, насколько сильные удары, прилюдно или тайно, и прочее, и прочее. Если не указано, какая плеть, то, строго говоря, я не могу применить этот закон: слишком жесткой плетью можно ведь и убить, а за это — ответ перед Аллахом. Отсюда следует, что шариат применим как нравственный закон, но его применение как, скажем, уголовного закона — под вопросом. Что вы об этом думаете?» (26 ноября 2007)

Я обстоятельно ответил ему и вскоре получил новое письмо от человека, погруженного в сладостный поиск истины:

«Дорогой Ренат! Огромное спасибо за ваши мысли — я непременно использую их в том виде, в котором вы их прислали. Я сейчас раздумываю над одним из главных для моей работы хадисов — об области сомнительного между Халал и Харам, о сомнении как двигателе научного мышления. О месте сомнения в исламе (огромное количество ортодоксов полагает — в том числе и в русских источниках — любое сомнение равным вероотступничеству — неудивительно, что мы уже дожили до призывов к смертной казни за плюшевых медвежат. То ли еще будет на этой дорожке...). Читаю также вновь Ибн Рушда, судьба которого так показательна для истории ислама: он — последний великий рационалист мусульманства и одновременно первый великий рационалист Запада. Буду признателен вам, если вы посоветуете мне что-то почитать, посмотреть или с кем-то поговорить по тематике моей книги. С уважением, Ваш Равиль» (1 декабря 2007).

Наше общение с Бухараевым было обменом суждениями. После вышеприведенного разговора мы не стремились переубедить друг друга. Наверное, потому мы так легко находили общий язык. Каждый из нас уважал мнение другого, даже если не разделял его. Я был одним из немногих в России мусульман-неахмадитов, кто не считал его сектантом, заблудшим, принимал его не как современного татарского поэта номер один, а как мусульманина. Мусульманская же общественность игнорировала его. Это сильно расстраивало Бухараева.

Возможно, поэтому он не в последнюю очередь видел в мусульманском литературно-философском журнале «Четки» ту самую трибуну, с которой он мог бы обратиться к правоверным России — нет, не с проповедью, а скорее с изложением и разъяснением тех взглядов, которых он придерживался.

Каждый текст Бухараева я подвергал незначительной правке — удаляя те места, которые вступали в диссонанс с общепринятой среди суннитского большинства точкой зрения. Он понимал и принимал это, соглашаясь с тем, что подлинный диалог возможен лишь там, где собеседники намеренно притупляют остроту своей мысли.

Я чувствовал, не мог не чувствовать, что его чудовищно огорчает моя сдержанность в отношении ахмадитов.

— Я хочу, чтобы вы увидели все своими глазами, — однажды сказал Бухараев. — Хочу пригласить вас на съезд движения. Они оплачивают дорогу, визу и проживание. Вам это интересно?

Я отвечал, что да.

Через некоторое время по почте пришло приглашение и анкета. Я бегло ознакомился с приглашением и принялся заполнять анкету. Дошел до последнего пункта... и замер. Там, где должна была стоять моя подпись, было напечатано: член ахмадийской общины такой-то... Иными словами, подписывая эту бумагу, я как бы становился ахмадитом.

Я отложил в сторону ручку и бумагу. Несколько дней ходил, обдумывая, что написать Бухараеву. Мне не хотелось огорчать его, но и принять условия игры я не мог.

Наконец я сел за компьютер и написал ему пространное письмо, сопровождаемое извинениями. Я сожалел, что несмотря на сильное желание, не смогу приехать. Ссылался на то, что организаторами съезда была изменена первоначально озвученная дата, а у меня в это время дела в институте. Я безбожно лукавил, но если бы я тогда сказал правду, это бы во сто крат более огорчило его.

Последний раз мы встретились случайно. В Казани, на Астрономической улице. Дело было в октябре 2011-го. Я шел от университета в сторону Баумана. Равиль-эфенди поднимался в гору, тяжело дыша.

Он обнял меня.

— Вы не были в Москве на моем юбилейном концерте? — в те дни он отмечал свое шестидесятилетие.

— К сожалению, нет.

— Обязательно приходите. Это будет в Консерватории, завтра, в шесть часов.

Но я так и не пришел. Ей-богу, не помню почему...

Мы еще успели написать друг другу несколько коротких писем. В издательстве, где выходил журнал, наступил жесткий кризис. Спонсор вознамерился существенно сократить тираж «Четок» — с 1000 до 150 экземпляров — и обещать журнал: сделать его черно-белым. Мне эта идея показалась невозможной, даже кошунственной. Я написал Бухараеву, что подумываю о том, чтобы отказаться от должности главного редактора. Он, не скрывая своего огорчения, посоветовал не торопиться. Обещал написать письмо спонсору. Я отвечал, что лишь делюсь с ним своими сомнениями, но окончательное решение еще не принял.

Потом он пропал. Я написал ему письмо. Потом еще одно. Но ответа уже не получил...

А от «Четок» я все-таки отказался. Конечно, если бы Равиль-эфенди был жив, он бы ни за что не позволил мне сделать это. Я в этом просто уверен...